

Ей было чуть больше двадцати лет, кожа — как застывшая яшма, лицо нежное и прекрасное, а на поясе висела красная плеть. Все на сцене сразу подумали о её имени, и лицо Мо Ецяня озарилось радостью. Цэнь Мухань кратко произнёс:

— Ты пришла.

— Я пришла. Опоздала ли я? Прошёл уже год с той ночи, когда ты оставил меня в храме Лунного Старца.

Цэнь Мухань ответил:

— Это я подвёл тебя.

Лэ Юй, увидев красную плеть на её поясе, понял, что это Линь Жунун, известная как «Драконья дева Яньчжи» из Восточного У. В мире боевых искусств существовала поговорка: есть пять типов людей, которых нельзя трогать. Первые четыре — это врачи, монахи, мясники и учёные, соответствующие пяти Великим гроссмейстерам: Шу Гоши, мастеру совершенствования в медицине и боевых искусствах; мастеру Сыханю из Дзен-храма Золотого Леса; Ши Нуи, владыке Хрустального дворца, которого втайне называли «Человек-мясник»; и Шэнь Хуайхаю, мастеру из Обители Цветочного Меча в Западном Юэ. Последний же тип — это женщины. Мир боевых искусств до сих пор остаётся несправедливым к женщинам, и тех, кто достиг уровня младшего гроссмейстера, можно пересчитать по пальцам. Но каждая из них более опасна, чем мужчина того же уровня. Прозвище Линь Жунун «Яньчжи» относилось к её красной плети, а «Драконья дева» намекало на её происхождение — она была единственной дочерью Ши Нуи, владыки Хрустального дворца и гроссмейстера Восточного У.

Ши Нуи утвердил свой путь гроссмейстера через войну. В свои молодые годы он в одиночку разжигал конфликты по всему миру, сражаясь в четырёх странах, убивая мастеров и оставляя за собой реки крови, за что получил прозвище «Кровавый дракон в плаще». Он использовал всех младших гроссмейстеров как точильные камни, не щадя даже свою жену, которую убил в поединке. Поэтому его дочь ненавидела его до глубины души, отказавшись от его фамилии и взяв фамилию матери. Её называли Драконьей девой, но кто бы мог подумать, что у неё с Цэнь Муханем была такая история.

Линь Жунун сказала:

— Когда я убила «Устрашающую стрелу» Чан Суня, он тяжело ранил меня, и я оказалась запертой в гостинице в Циньчжоу. Неожиданно я встретила тебя, скрывая своё имя, и ты думал, что я просто странствующая артистка. Я скрывала, что я дочь Ши Нуи, а твой учитель погиб от рук моего отца. Ты не мог не предать меня, ведь «если сердце не лежит, то и не держи». Но...

Она говорила на усском диалекте, и её речь была невероятно мелодичной.

— Цэнь-лан, Цэнь-лан. Я давно поклялась, что никогда не буду такой, как Ши Нуи. Если бы ты был моим возлюбленным, я бы никогда не заставляла тебя сражаться со мной. Но теперь ты больше не мой возлюбленный, и никогда им не будешь. Я каждый день жалею, что год назад в Циньчжоу не приложила всех сил в нашем поединке.

Она с нежностью смотрела на лицо Цэнь Муханя в ночи, на его руку, держащую меч, и сказала:

— У нас была любовь, и даже ради прошлого ты не стал бы жестоко со мной обращаться. Поэтому я подумала, что если я встану перед Залом Заточки Мечей, ты точно приложишь все силы. Но я не ожидала, что ты так сильно ранен...

Все, кто слышал её ласковый тон, содрогнулись. Лэ Юй вдруг усмехнулся, и она с удивлением спросила:

— Почему ты смеёшься?

Лэ Юй вышел из толпы и сказал:

— Линь-гуннян, ты говоришь одно, а делаешь другое. Ты клянёшься не быть такой, как твой отец, но поступаешь точно так же, как владыка Ши.

Линь Жунун, подняв брови, ответила:

— Лэ-даожу, твои слова звучат очень неприятно. Тебе бы стоило умереть.

Лэ Юй, наклонившись к ней, с насмешкой сказал:

— Так что, прекрасная Линь, ты хочешь сразиться с Цэнь-сюном или просто испытать меч Юйхоу?

Линь Жунун, окинув его взглядом, улыбнулась:

— У меня с ним нет вражды, так что я хочу испытать Юйхоу.

Лэ Юй спросил:

— А как насчёт Цици?

Линь Жунун намеренно ответила:

— Я уже решила, что хочу Юйхоу.

Лэ Юй бросил Цици, перекинув её через толпу к Сяо Шанли, который поспешно схватил рукоять меча, почувствовав, как ладонь обожглась. Лэ Юй уже повернулся к Цэнь Муханю. Их взгляды встретились, и без лишних слов Цэнь Мухань протянул меч Юйхоу. Лэ Юй взял меч, повернул запястье и произнёс:

— Действительно, тяжёлый меч!

Линь Жунун вынула свою плетёную Яньчжи и сказала:

— Лэ-даошу, ты так любезен, что я не могу отказаться.

Она с обидой улыбнулась:

— Если Лэ-даошу настаивает на том, чтобы помешать мне сразиться с Цэнь-ланом, то, если ты проиграешь, я слышала, что ты собираешься отрубить руку Мо-гунцзы. Тогда ты сам отруби себе руку.

Говоря об отрубании руки, она сама нашла это забавным и залилась смехом. Лэ Юй, стоя перед ней, почувствовал резкую боль в голове и, не сдерживаясь, ответил:

— Если у тебя, прекрасная Линь, хватит сил, ты можешь сама взять её. Если нет, то я отрублю твою нежную руку.

Их разговор уже начал приобретать зловещий оттенок. Она смеялась, как безумная, и чем больше она теряла контроль, тем более очаровательной становилась. Смех сотрясал её тело, и каждый, кто слышал его, чувствовал холод в сердце. Внезапно она выбросила плетёную Яньчжи, и звук, как удар молнии, разнёс доски сцены под ногами Лэ Юя.

Все устремили взгляды вверх, где две фигуры сплелись в воздухе. Тяжёлый меч Юйхоу был лишён остроты, и в свете красной плетёной Яньчжи его лезвие было не видно. Крики раздавались в воздухе, плетёная Яньчжи, как радуга, металась вокруг, но Лэ Юй, наступив на плетёную Яньчжи, бросился вперёд с мечом. В облаке пыли и цветов вспыхивали красные огни. Бой продолжался долго, и никто не мог определить победителя. Сяо Шанли, сжимая перила, с бледными пальцами тихо спросил Шаньжэня:

— Мастер, как вы думаете...

Шаньжэнь, видя его тревогу, с болью в сердце пожелал сделать всё, чтобы успокоить его. Он произнёс молитву и сказал:

— Лэ-даожу имеет преимущество.

Но, подумав, он нахмурился.

Когда Лэ Юй впервые посетил Дзен-храм Золотого Леса, они встретились лишь однажды. Тогда, хотя Лэ Юй и был дерзким, в нём всё же чувствовалась лёгкость и свобода, характерные для Сутры Истинного Удовольствия. Но теперь... его меч был жесток, а удары — беспощадны. Шаньжэнь никогда не видел, как Лэ Юй использует Цици в бою. Цици, хотя и была наполнена злобой, всё же не была орудием убийства, а Юйхоу был мечом, пропитанным кровью сотен битв. Когда он выходил из ножен, чувствовалась тяжесть, и убийственный дух, как тысячи ледяных игл, проникал в тело. Шаньжэнь содрогнулся и подумал, что нужно сообщить об этом настоятелю.

Сяо Шанли, не отрывая глаз от боя, следил за схваткой, которая длилась долго. Свечи на сцене уже догорали, и свет становился тусклым. Внезапно раздался крик, и две фигуры разлетелись в стороны. Линь Жунун попыталась уклониться, но Лэ Юй схватил её плеть и, используя силу, притянул её к себе, другой рукой направляя меч Юйхоу к её шее.

Но Линь Жунун отпустила плеть и, сделав несколько вращений, с лёгкой одышкой приземлилась у подножия искусственной горы. Эти шаги были частью техники Хрустального дворца — «Шаги, как шёлковая нить». Оружие теперь было в руках Лэ Юя, и она, словно подвернув ногу, с жалобой сказала:

— Не буду больше драться, я потеряла туфельку.

Она обнажила маленькую округлую ступню, на которой не было чулка, и, наклонившись, чтобы поднять туфельку, сначала поправила волосы, а затем сказала:

— Даожу, осторожно!

Что-то острое пронеслось в воздухе. Лэ Юй отразил это мечом, но предмет вдруг разделился на три части. Это была техника её матери, Сюэ Гэшань, известной как «Веер персиковых цветов», — «Искусство разбрасывания цветов». Ещё её называли «Три звезды под наклонной луной». Неудивительно, что она намеренно сказала «осторожно», чтобы заставить Лэ Юя отразить атаку. Эта техника была такова, что если предмет касался оружия или силы, он разделялся на три части, делая уклонение невозможным. Лэ Юй поймал две части, но третья пронеслась мимо, оставив кровавую царапину под его глазом, едва не лишив его глаза.

Лэ Юй сказал:

— Прекрасная Линь, стрелять из-за угла некрасиво.

Она поднялась и улыбнулась:

— Как это можно назвать стрельбой из-за угла?

После потери плети она бросила цветок, и теперь, с кокетливой улыбкой, сказала:

— Просто безделушка с туалетного столика, чтобы ты поиграл. — К тому же я предупредила тебя.

Все были поражены. Эта женщина была непредсказуема, прекрасна, как цветок, и хитра, как лиса. Лэ Юй же, с острым взглядом, с улыбкой сказал:

— Интересно, интересно. Прекрасная Линь, твои стрелы ядовиты, а мысли ещё ядовитее! Если ты хочешь, чтобы я играл, одного цветка недостаточно. Нужна ещё и рука. Или оставь плеть Яньчжи.

Выражение лица Линь Жунун несколько раз изменилось. Когда она бросила стрелу, она уже проиграла. Теперь она посмотрела на князя Цзинчэна и принцессу Яньцин на сцене, а затем устремила взгляд на Цэнь Муханя и сказала:

— Действительно, «золотая чаша для тебя, но меч не пощадит». Плеть Яньчжи для меня важнее, чем простая рука.

С этими словами она закатала рукав, обнажив нежную руку, но тут Цэнь Мухань сказал:

— Подожди.

Она улыбнулась:

— Цэнь-лан, Цэнь-лан, ты всё же не хочешь, чтобы я страдала.

Она убрала руку и, с нежностью в голосе, сказала:

— Плеть Яньчжи важнее моей руки, но без руки я не смогу больше ею пользоваться. Поэтому рука теперь важнее моего лица. Лэ-даожу, может, ты поцарапаешь моё лицо, чтобы преподать мне урок, хорошо?

<http://bllate.org/book/15272/1348084>